

Валерий Федорович Михайлов родился в 1946 году в Караганде. Поэт, писатель, публицист. Автор более 20 книг стихов и прозы, среди которых — работа «Великий джуг», посвященная трагедии голодомора в казахской степи, жизнеописание М.Ю. Лермонтова «Роковое предчувствие». Главный редактор журнала «Простор». Член Союза писателей России и Союза писателей Казахстана. Живет в Алматы.

Валерий Михайлов

НА ПЕСЧАНОМ ОСТРОВКЕ

***

На каком-то безымянном островке
Я лежал, раскинув руки на песке,
А кругом такая глушь, такая тишь,
И от солнца плавился Иртыш.

То ль высоко плыли облака,
То ль неслышная текла себе река,
То ли раздушился полынок,
То ль унес на счастье ветерок.

Но казалось: на песчаном островке
Это я плыву куда-то по реке
По-над всей на свете маемой,
Взятый вольной волею святой.

***

Что было, то пропало,
И неча ворошить.
А помнишь — что попало,
Что лучше бы забыть.

Какие-то заборы,
Суровые дома,
Жилья глухие норы,
Сошедшие с ума.

Угрюмые стояли
Рядами там и тут

Так, словно их призвали
Вершить неправый суд.

Лишь краска оплывала
Под снегом и дождем,
Сгущенная немало
И сажей, и свинцом.

В ней тени проступали,
Готовые полечь,
Как будто тайну знали,
Но позабыли речь.

И я, почуяв это,
В сырой тоске немел,
Хотя еще не ведал
Все, что сказать хотел.

* * *

Вот этот скрежет надо бы простить
Скворцам, поналетевшим из Афгана,
Что разучились петь, им лишь бы есть и пить...
Там век война — а птицам это странно.

От взорванной земли летят куда глаза глядят,
Чего наслушались — так то и повторяют.
А что кругом война, дурдом, ползучий ад —
О том скворцы пока еще не знают.

* * *

Я думаю тьмою и светом,
и что мне с того-то,
что не понимаю при этом
почти ничего-то.

Я думаю ветром и тишью,
а что остается,
ведь все, что едва лишь расслышу,
не словом зовется.

Ни сроку той думе, ни проку,
все горше, безвестней,
что чуется ненароком
неспетою песней.

* * *

Ничего не надо говорить,
Слушать никого не надо.
Воздух розоватый пить
Яблоневого сада.

Пахнет свежесрезанной травой,
Лепестками.
Станем безответною землей,
Небесами.

Паутинка в воздухе плывет,
Мир куда-то мчится...
И душа на тыщи лет вперед
Намолчится.

* * *

Проснуться вдруг по рани,
Плеснуть в лицо восток,
Зарю зарумянен
Бересты завиток.

Шумит кругом на свете
Счастливая вода,
И рвется пьяный ветер
Неведомо куда.

Березового комля
Обуглена кора,
Но пробудились корни,
Дремавшие вчера.

И в небо устремился
По голым веткам сок,
Чтоб всякий им упился
Развернутый листок.

* * *

Плывет в густом тумане
или в лучах зари
бутылка в океане
с моим письмом внутри.

По волнам бесконечным...
Простора — не объять...
Немного же словечек
мне удалось сказать.

То зыбь, то ураганы,
то тяжко, то легко.
А берега и страны —
далеко-далеко.

Тут время исчезает,
нисколько не шутя,

дельфин с волной играет,
как вечное дитя.

И нет судьбы матросам,
и равнодушно зло...
Лишь зорким альбатросам
порой блеснет стекло.

Подводные течения,
беспечные ветра...
Но птицам не до чтенья,
слова для них игра.

Куда несет бутылку
безумная вода,
получит ли посылку
хоть кто-то и когда.

Не жду, не проклинаю...
Век ни за грош пропал...
И сам уже не знаю,
кому и что писал.

* * *

На серые скалы туман наползает
и влажно дымится,
а в облаке птица зачем-то летает,
безумная птица.

Гнездо ль потеряла, где тычутся слепо
продрогшие дети,
голодные клювы раскрывши нелепо,
одни в белом свете?

Студеная муть непроглядней ложится,
все в ней пропадает —
почти что на ощупь та птица кружится,
но не улетаает.

* * *

Распоследняя капелька крови
еще помнит, родная, тебя,
по твоей непосильной любви
благодарною скорбью скорбя.

Распоследняя жилка упрямо
еще тянет в назначенный путь,
выбирая не криво, а прямо,
и не думает больше свернуть.

Храм остарел. На куполе осинка
 неслышно шевелит листочками,
 покорными и ветру, и судьбе.
 В селе же пусто, больше никого,
 последний жил старик — да помер,
 о нем уже не вспомнить никому.
 Дома уходят в землю пешим строем,
 проулки свежим лесом заросли...
 В избе, что с краю, на полу разбитом
 среди ненужных, брошенных вещей
 желтеет фотокарточка со стенки —
 улыбка ли там чья-то молодая,
 беспечная, случайная, лихая
 в надломленный глядится потолок?..

* * *

— Нас бомблять, як паршивых котят!.. —
 Что же ты так разнюнился, брат?
 А не ты ль красномордо в сочельник
 на майдане горилку глушил,
 москалякам гиялку сулил...
 Наскакался, похоже, брательник?

— Мамо! Тату! Не можу... Опять,
 як хряки, с неба бомбы летять... —
 ...А не ты ли звал батькой — Бандеру?
 А не ты ли ему зиговал,
 как в Хатыни, кругом лютовал,
 пепел с кровью глотая и серу?

Обшмонали свои ж, без речей
 среди битых забыв кирпичей,
 и ушли... Обезумевший кочет
 уцелевший поутру хрипит,
 да, как водится, ворон летит,
 но клевать твои очи не хочет.

* * *

Да, вот еще что: у костра бы сейчас посидеть,
 дымка одиноко вдохнуть и в огонь беспробудно глядеть,
 за рвущимся светом почуять провальную тьму
 и не ужаснуться тому, что ничто непосильно уму.
 Ни дум, ни желаний, почти что совсем ничего
 душе не осталось, и нету уж здесь никого —
 лишь легкое пламя седеет золой на глазах
 да жарким румянцем порой овеивается прах.